

Плавич Владимир Петрович – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, академик, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и международного права Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются проблемы усовершенствования юридического толкования правовых норм и применения законов. Раскрыта методология герменевтического анализа правовых текстов. Обоснована возможность создания экспертных систем способных просчитать возможные траектории движения действующего субъекта к той или иной цели в заданном нормативном направлении.

Ключевые слова: юридическое толкование, правоприменительная деятельность, моделирование правовых ситуаций, интуитивное правовое чувство, новые способы познания реальности.

ВДОСКОНАЛЕННЯ ЮРИДИЧНОГО ТЛУМАЧЕННЯ ПРАВОВИХ НОРМ І СУЧАСНОЇ ПРАВОЗАСТОСОВЧОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Аналізуються проблеми удосконалення юридичного тлумачення правових норм і застосовування законів. Автором розкрито цікава методологія герменевтичного аналізу правових текстів. Обґрунтована можливість створення експертних систем, здатних прорахувати можливі траєкторії руху діючого суб'єкта до тієї чи іншої цілі у заданому нормативному просторі.

Ключові слова: юридичне тлумачення, правозастосовуюча діяльність, модулювання правових ситуацій, інтуїтивне правове чуття, нові способи пізнання реальності.

ENHANCEMENT OF INTERPRETATION OF LEGAL NORMS AND MODERN LEGAL ACTIVITIES

This article is devoted to the problem of the improving of legal interpretation of legal norm and law enforcement. It was revealed the interesting method of hermeneutics analysis of the text. It is grounded the resources of creating of the expert system, which is able to calculate the admissible paths of the movement of the acting party to one or another aim in the prescribed nominative space.

Key words: legal interpretation, law enforcement activity, designing of legal situation, intuitive legal sense, new method of cognition of reality.

Актуальность темы. Понятие нормы права принадлежит к числу наиболее важных категорий теории права. Любое правовое явление раскрывается и обнаруживает себя только во взаимосвязи с нормами права. Норме права как части системы в той или иной степени свойственны признаки, присущие праву. Поэтому усовершенствование юридического толкования правовых норм является одной из самых актуальных проблем современности.

Целью работы является совершенствование юридического толкования правовых норм, так как любое правовое явление раскрывается и обнаруживает себя только во взаимосвязи с нормами права.

Слово «норма» происходит от латинского слова «погма» в значении «руководящее начало», «правило», «образец». В широком смысле слова «норма» означает некий

обязательный порядок, некое обязательное правило, некий обязательный образец для его копирования, воспроизведения, подражания ему. В последнем случае значение слова «норма» совпадает со значением слова «парадигма» (от греч. *paradeigma* – пример, образец), терминологически используемого в лингвистике, а также в философии и социологии для указания на некую образцовую теорию, некую образцовую концепцию в деле для решения задач определенного типа.

Понятие нормы права принадлежит к числу наиболее важных категорий теории права. Любое правовое явление раскрывается и обнаруживает себя только во взаимосвязи с нормами права. Норме права как части системы в той или иной степени свойственны признаки, присущие праву. Поэтому ей можно дать определение, идентичное по своему значению определению права в целом [1].

При рассмотрении юридической нормы обнаруживается, что она обладает определенной системно-структурной организацией, поскольку состоит из двух взаимосвязанных элементов, а именно: первая часть данной нормы определяет те нормы, при наличии которых возникают взаимные обязанности и притязания между двумя лицами, тогда как вторая часть устанавливает сами обязанности и притязания. Данные условные правила состоят из (1) определения условий применения правила и (2) изложения самого правила. Соответственно, каждая юридическая норма может быть выражена в следующей форме: если → то У. Луйкпен утверждал, что человеку как носителю дорефлексивного сознания изначально присуще чувство справедливости, которое представляет собой основание права [2]. Реализация этого чувства (внутренней экзистенции) и есть существование права. Из субъекта, принимающего государственно-властные решения, пытаются вывести становление вечно изменяющегося права, считает Э. Фехнер [3]. Разум порождает норму поведения (индивидуальную норму) в конкретной жизненной ситуации, предназначенной для определенной типизированной роли у В. Майхофера [4].

Очевидна умозрительность всех этих конструкций. Доказать нормативное чувство справедливости исходя из априори данного субъекта невозможно, ибо априорное «не нуждается» в доказательствах по определению. Вместе с тем соединить единичную жизненную ситуацию с постулируемым универсальным исходным началом социального бытия сторонникам этого направления также не удалось. Возможно, в связи с этим самому родоначальнику феноменологии – Гуссерлю в конце жизни стало очевидно, что субъект сам обусловлен жизненным миром (по терминологии М. Хайдеггера – *Dasein*, в котором существует человек) [5].

А. Шюца и его последователи отмечают, что социальный мир представляет собой одновременно объективную и субъективную реальность. В качестве первой он представлен социальными институтами, обеспечивающими социализацию индивида и воспроизводство в форме традиций общества. Мир как субъективная реальность – это уникальная субъективность человека и его возможность изменять (конструировать) объективную реальность. Так обеспечивается инновационное воспроизводство социума.

Необходимо отметить, что, несмотря на плодотворность этих положений (они распространяются и на статус личности, и на социальные институты, и на механизм изменения социальной реальности и т.д.), социолого-феноменологической школы права не просто не сложилось, но даже не видно каких-либо попыток использовать эти идеи в правоведении. Между тем главным постулатом такой «не существующей» феноменологии права могла бы стать теория источника права (или формирования права). При этом основное внимание должно быть сосредоточено на разработке правовой инновации и, что еще более важно, – на ее принятии населением (легитимации нововведения). Отсюда (из анализа представителями социологической феноменологии воспроизводства социальных институтов) можно вывести общее определение: право – это то, что принимается населением в качестве общеобязательных норм поведения.

Эвристическая ценность такого подхода, думается, очевидна: он позволяет более глубоко

исследовать важные, традиционные для теории права проблемы, и прежде всего взглянуть на правовую реальность с новой, неожиданной, может быть стороны. Но нельзя не заметить и существенного недостатка в такой интерпретации права: все ли принимаемое населением (особенно в условиях манипулируемости общественным мнением со стороны политтехнологов) можно считать правом? Можно ли считать в качестве критерия права устойчивую повторяемость общественных отношений и представление о них как о должном? На каком «уровне» располагается общественная обязательность? Если вслед за Л. И. Петражицким в качестве «пределов» права рассматривать малую группу (что для сторонников мультикультуризма весьма характерно), то следует ли называть правом обязательные для всех членов, например, преступного сообщества (мафии) нормы? Думается, что общеродовое понятие права должно иметь несколько более содержательный признак, нежели легитимность (признание чего-либо населением).

Очевидно, что трансцендентальной феноменологии права не хватает конкретики имманентного, тогда как социологической феноменологии права не достаёт априорного основания, свойственного всем правовым явлениям. С нашей точки зрения, нормы права могут претендовать на статус правовых только в том случае, если они пройдут отбор историей.

Норма права – это общеобязательное, установленное или санкционированное и охраняемое государством правило поведения, выражающее обусловленную материальными условиями жизни волю и интересы народа, активно воздействующие на общественные отношения в целях их упорядочения. Любое государственно-организованное общество не может обойтись без норм права. Но это единичный феномен права, поэтому полное научное определение понятия предполагает выяснение присущих норме права специфических признаков (норм) [6].

Значительное внимание разработке учения об основании правовой нормы было уделено учеными в дореволюционный период (Н. Коркунов, Ф. Тарановский, Г. Шершеневич и др.). Свое дальнейшее развитие оно получило в разработках советских ученых (Н. Александров, М. Байтин, П. Недбайло). Современный этап развития учения о правовой норме требует не только дальнейшего совершенствования, но и переосмысления важных ее признаков и свойств.

Таким образом, проблема обоснования норм, рассматриваемая авторами, является, пожалуй, наиболее сложной и в то же время наименее разработанной темой теории аргументации, логики и права.

Нормы и оценки относятся к активным употреблением языка, связанным непосредственно с человеческой деятельностью. Существуют две основные схемы целевого обоснования норм (оценок). В одной из них используется понятие логического следования, в другой – понятие причинной (казуальной) связи [7].

Юридическая герменевтика – наука о понимании, объяснении смысла, заложенного законодателем в текст нормативно-правового акта. Задача юридической герменевтики – методологически обеспечить переход от понимания смысла нормы права к объяснению его сущности. Такой переход представляет собой не что иное, как процесс познания, результатом которого является нахождение единственно правильного варианта интерпретации общеправовых предписаний относительно конкретной правовой ситуации.

Взаимосвязь юриспруденции и герменевтики проявляется, прежде всего, в истолковании различных форм и источников права – как исторических правовых документов, так и действующих в современный период различных видов правовых актов.

Закон должен выражать не просто реальные, а справедливые, правильные, моральные стандарты. Квинтэссенцией этого требования может служить тезис «о человечности права», выражающий правовую природу человека [8].

Целью толкования законов является раскрытие истинного смысла законодательных норм. Каждая такая норма представляет собой выраженную в словах мысль законодателя. Следовательно, искусство толкования законов сводится к умению понимать человеческую

речь. Но обладать этим умением нужно вообще всякому, кто имеет дело с произведениями человеческого ума, облеченным в форму слова. Отсюда следует, что при толковании законов должны быть соблюдаемы правила, необходимые для понимания всякого иного литературного произведения. Эти правила вырабатываются особой отраслью филологии, называемой герменевтикой и занимающейся построением теории искусства понимать устную или письменную речь. Учение о толковании законов является, как легко усмотреть из сказанного, специальной ветвью этой герменевтики и потому часто называется юридической герменевтикой.

Итак, материал для выработки приемов и правил толкования законов следует искать прежде всего в данных филологической герменевтики. А так как последняя опирается в своих выводах на целый ряд наук, имеющих предметом духовную деятельность человека и, в особенности, его литературное творчество, каковы психология, логика, грамматика, стилистика, история языка и пр., то и юрист, не находя иной раз необходимых для себя данных в филологической герменевтике, должен обращаться за помощью к указанным наукам.

Далее, действующие законы отличаются от прочих литературных произведений некоторыми особенностями. Так, например, они предназначены к применению на практике, составляют в своей совокупности одно связное целое, принимаются в виду какой-либо практической цели, достижение которой желательнo законодателю, основываются на тех или иных соображениях справедливости или целесообразности. Эти и другие особенности законов должны быть приняты в расчет и послужить материалом для видоизменения общих герменевтических правил и выработки новых.

Наконец, сам законодатель, заботясь о том, чтобы его веления понимались правильно, зачастую устанавливает правила и толкования, которые обязательны для судов и для граждан, потому что являются такими же нормами, как и всякие иные.

Из сказанного видно, что материал для построения правил толкования законов должен быть заимствован: 1) из филологической герменевтики и наук, на которых она основана, 2) из анализа свойств законодательных норм и 3) из предписаний самого закона [9, С. 12].

Применение на практике законов, как и других юридических норм, заключается в подведении частных случаев жизни под предусматривающие их в общей форме постановления. Это подведение имеет вид силлогизма, в котором большою посылкой служит законодательная норма или ряд норм, малою – фактические обстоятельства данного конкретного случая, а вытекающее из них с логической необходимостью заключение дает ответ на возникший и подлежащий разрешению юридический вопрос.

Но как толкованию, так и логическому развитию норм должна предшествовать еще одна операция предварительного характера. Прежде чем применять найденную норму, необходимо убедиться, что она подлинно норма, т.е. имеет юридическую силу, и установить ее точный текст. В этом состоит критика подлинности норм.

Итак, применение законов на практике обнимает четыре операции: 1) юридический анализ конкретных случаев, подлежащих разрешению; 2) критику подлинности норм; 3) толкование норм; 4) логическое развитие их.

Первая из этих операций не нуждается в специальном исследовании. Чтобы уметь отделять юридически существенные обстоятельства от чисто бытовых, нужно только быть знакомым с юридическими понятиями, а это знакомство приобретается изучением правоведения, т.е. юридическим образованием. Никаких особых правил, которыми следовало бы руководствоваться при юридическом анализе, нет.

Существует только одно общее правило: «нужно отбросить все обстоятельства, которые с точки зрения действующего права не имеют значения».

Совершенно иное следует сказать относительно критики, толкования и логического развития норм. Эти операции несравненно сложнее; они должны быть производимы по специальным правилам, а установить эти правила можно только посредством подробного исследования сущности и отличительных свойств каждой из названных операций.

Толкование правовых норм включает два элемента: уяснение – раскрытие содержания (интерпретация) юридических норм «для себя» и разъяснение – раскрытие содержания (интерпретация) юридических норм «для других». Разъяснение содержится в специальных актах (они именуются интерпретационными).

Юридическое толкование представляет собой специальное познание, которое осуществляется в целях практической реализации права.

К специальному познанию в области права относится также деятельность суда, других правоприменительных органов по установлению фактических обстоятельств дела. Юридическое толкование приобретает еще более существенное значение при применении права, когда оно становится элементом властно-государственной деятельности правоохранительных учреждений, определяющей обязательные юридические последствия при решении юридического дела. Здесь и само толкование приобретает юридически обязательное значение, в нем нередко существует элемент разъяснения (интерпретации), и оно прямо влияет на юридическое регулирование общественных отношений.

Роль и место толкования права в жизни общества связаны с политическим режимом и с состоянием законности. При тоталитарном режиме, в условиях беззакония, толкование часто используется для придания закону произвольного смысла в соответствии с теми или иными политическими целями, а отсюда и для произвольного применения закона.

Опыт герменевтики дает нам все основания предполагать, что интерпретация не может быть представлена исключительно как логико-методологическая процедура, поскольку существует как многоликий феномен на различных уровнях бытия субъекта [10, С. 7-25].

Человеческое мышление, по мнению Ф. Ницше, всегда выступает как «интерпретирование по схеме, от которой мы не можем освободиться» [11, С. 241], и ценность мира оказывается укорененной в нашей интерпретации. Критикуя позитивизм, Ф. Ницше заявляет: факторов не существует, а только интерпретации. Мы не можем установить никакого факта «в себе» [11, С. 224].

Всегда, говорит Ф. Ницше, существует возможность предложить новые смыслы, «перспективы» и «способы» разместить феномены по определенным критериям. Мир, утверждает он, «не имеет какого-либо одного смысла, но бесконечные смыслы» [11, С. 224].

По мнению Э. Панофского, «внутренний смысл может быть определен как объединяющий принцип, который находится в основании и определяет как видимое событие, так и его тип, интеллигибельную значимость, и который обуславливает даже форму внутреннего события» [12, С. 5].

Подобно трансцендентальной схеме И. Канта или символической форме Кассирера, «перспектива» Э. Панофского устанавливается исключительно субъектом. Она «сводит художественные явления к жесткому, т.е. математически точному правилу, но она же делает его зависимым от человека, от индивидуума, поскольку способ ее действия определен субъективной точкой зрения» [13, С. 88].

Как указывает Ф. Ницше, полагающая перспективу сила это и есть «бытие в качестве субъекта» [11, С. 298]. Следует заметить, что Э. Панофский говорит о «великом переходе» от агрегатного пространства к систематическому, о развитии категории «бесконечность» и десакрализации универсума [14, С. 84- 87].

Юридическое толкование является деятельностью, которая с практической стороны связана с завершением регулирования жизненных отношений законом. Юридические нормы в результате толкования становятся готовыми к реализации, к практическому осуществлению.

Не менее важно и другое. В толковании соединяются вместе, сходятся в едином фокусе и утонченные юридические знания, и опыт, и правовая культура, и юридическое искусство. С этой точки зрения юридическая герменевтика, т.е. наука и искусство толкование юридических терминов и понятий, есть своего рода вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности. Именно поэтому одним из самых надежных показателей высококачественной работы юриста-профессионала является такой уровень его

профессиональной подготовки, который позволяет ему «с ходу», полно и точно толковать какие угодно законы, иные правовые акты.

Та деятельность, которую нередко называют юридическим анализом, по сути дела, и состоит в юридическом толковании.

Толкование права представляет собой в известном смысле процесс, обратный тому, который осуществляется законодателем при принятии законов. Своего рода, если использовать аналогию по земляным, археологическим разработкам, - вскрышные работы, когда слой за слоем вскрываются слои земли, нередко пустой породы, для того, чтобы в конце концов добраться до желанного, искомого объекта. Мысль лица, осуществляющего толкование, (интерпретатора) и здесь идет от слоя к слою юридической материи – от анализа буквального, языкового текста к анализу догмы права, юридических особенностей правовых норм, а в связи с этим и к нравственным, социальным и иным основам, предпосылкам правовых предписаний. И все это – с тем, чтобы установить действительное содержание правовых установлений.

Толкование права раскрывает свое высокое юридическое предназначение и в то же время в условиях демократии, правового государства, развитой правовой культуры не выходит за рамки законности. В обстановке же тоталитарного государства, режима самовластиа оно подчас является выражением юридической казуистики, манипулирования правом и правовыми категориями, а подчас и прямым (под предлогом якобы «толкования») попранием действующего закона, в итоге – произволом и беззаконием.

Методологически обеспечить переход от понимания смысла нормы права до объяснения ее сущности – задача юридической герменевтики. Такой переход представляет собой не что иное, как процесс познания, результатом которого являются нахождение единственного правильного варианта интерпретации общеправовых предписаний относительно конкретной правовой ситуации.

Поняв правовую норму, индивид усваивает ее, и для соблюдения этой нормы остается необходимость волевой направленности. Процесс интерпретации правовой нормы является творческим, и по сути правоприменитель, выступая созакондателем, создает новую норму, осуществляя акт поведения общей нормы к конкретному случаю.

Однако азбука закона, как отмечает А. А. Гайдамакин, иной раз не успевает за реалиями быстротечного времени, и тогда слепое следование этой букве может привести к результату, сходному с «забастовкой по-итальянски».

Кроме того, в процессе правотворчества нередко ошибки, коллизии. И тогда на первый план выходит дух закона, правосознание. И если это правосознание находится в соответствии с духом закона и естественным правом, то проблема решается, и право продолжает ассоциироваться со справедливостью. А если этим управляет человек с правосознанием циника? Тогда уж лучше робот... [15, С. 95]

По нашему мнению, нормативное право в целом движется в направлении формализации и детализации своих гипотез и диспозиций, а значит, уходит от субъективизма и идет навстречу логике. Огромные возможности предоставляет формальная логика для обработки свидетельских показаний, выдвижения версий, о чем свидетельствуют разработки экспертных систем криминалистического, криминологического и розыскного назначения.

Что касается возможностей формального моделирования правовых ситуаций, то в перспективе представляется вполне возможным создание экспертных систем, способных просчитывать допустимые траектории движения действующего субъекта к той или иной цели в заданном нормативном пространстве [16, С. 15].

К сожалению, логический инструментарий права может использоваться в разных целях, в том числе и для обоснования «расширительного толкования закона», его свободной интерпретации. Мы должны научиться (или захотеть?) выражать дух закона в его букве. Однако создание специализированных систем для профессионалов с развитым, но не аморфным правосознанием – вопрос будущего.

Интуитивное правовое чувство являет собой смысловую предзаданность акта

представления юридического смысла той или иной ситуации, ему принадлежит роль «пробуждения» правового мышления. Без него невозможен процесс правового осмысления социальной действительности, так как понимание предполагает предпонимание.

Представим себе ситуацию, когда необходимо понять смысл правовой нормы. Здесь требуется предварительное знание, так как понимание – всегда соотнесение чего-то известного с неизвестным, чужим, иначе его акт невозможен. Роль предварительного смысла, предпонимания выполняет желаемое право. Соотношение его нормы с нормой позитивного права представляет собой герменевтический круг.

Рассмотрим первый вид осмысления – в случае понимания какой-либо нормы права без соотнесения с конкретным случаем, казусом. То, что норму мы можем понять лишь в процессе уяснения общего смыслового контекста закона, – это понятно. Но как постичь смысл нормы, не соотнося ее с какой-либо конкретной ситуацией, то есть лишь прочитав и грамматически осмыслив норму (проблема грамматического толкования остается в границах общеправовой проблематики герменевтического круга, и мы ее не затрагиваем). Ведь мы, провозгласив существование особой формы мышления, претендуем и на существование особого смысла – правового смысла, который характеризуется уже тем, что норма является шаблоном, абстрактной обобщающей схемой ряда однотипных ситуаций. И этот смысл «станет своим» у осмысляющего только в случае уже имеющегося, на момент начала интерпретации, чего-то известного, задающего общий контекст. Иными словами, каким образом мы поймем всеобщность нормы, не сопоставив ее с конкретной ситуацией, которая является частью целого?

Отсюда, по нашему мнению, легко увидеть, что понимание правовой нормы всегда осуществляется как акт соотнесения с уже имеющимся, целиком неосознаваемым, «желаемым правом». Именно на этой основе происходит процесс понимания любого закона. Цель толкования – не просто уяснение смысла нормы (общий и абстрактный смысл нормы обычно легко улавливается при ее прочтении), а перевод ее смысла на язык более конкретных высказываний, раскрытие, развертывание содержания нормы права в более детальных положениях, настолько приближенных к конкретным ситуациям, что они не вызвали бы сомнения в относимости этих ситуаций к толкуемой норме права и облегчали ее применение, – замечает А. Ф. Черданцев. Отсюда при прочтении правовых актов у профессионального юриста не может не возникать образа примерной ситуации, в которой норма срабатывает. Человек, не имеющий юридического образования, в случае интерпретации любого закона, представляющего для него определенную сложность, например, регулирующего отношения в сфере исполнения наказаний, гражданского процесса, не увидит этого смысла вне применения к конкретной ситуации, которая должна быть описана в знакомой этому человеку терминологии. Даже юрист, обладающий четко налаженным механизмом правового мышления, хотя и сможет уловить данный смысл в общих чертах, но все равно не полностью, так как конкретизация так или иначе меняет смысл нормы. Глубокое понимание всегда предполагает умение применять усвоенные знания к решению конкретных задач, к анализу других случаев.

Именно поэтому все большее развитие получает процесс дифференциации направлений юридической практики. Ведь при интерпретации нормативно-правового акта юрист, имеющий опыт работы в сфере отношений, регулируемых им, автоматически воспроизводит в сознании огромное количество образов ситуаций, с разными структурными связями и соотношениями, в которых закон либо применялся, либо может быть применен, и, вырабатывая на их основе образ желаемого права, будет несравнимо лучше понимать закон.

Но ведь этот процесс имеет и обратный ход. Чем лучше он будет понимать смысл закона, тем более четко будет видеть: совпадет ли в конце концов желаемое право (также изменяющееся под воздействием смысла нормативно-правового акта) с тем смыслом, который заключен в позитивной норме, или определенное отличие сохранится, и тогда можно будет говорить о некачественности закона.

Точно так же и в ситуации, в которой прежде чем осуществить вынесение суждения (произвести подведение особенного под общее), мы должны понять смысл этого общего.

То есть закона в целом, или нормы в частности. Процесс понимания такой нормы начнется уже с имеющимся в правосознании образом «желаемого права» (после изучения фактических обстоятельств дела), и правовое мышление будет осуществлять оценивание или соотнесение этого образа «должного» с содержанием образа нормы. В случае совпадения его со смыслом правовой нормы судья спокойно осуществляет акт подведения, иначе, при несовпадении, судья, рефлексивно осознав это несовпадение, будет, скорее всего, иметь дело с пробельностью закона.

Образ «желаемого права» будет постепенно также изменяться: в ходе интерпретации какого-либо смыслового образа (нормы закона в нашем случае) образ этот становится «своим». И одновременное присутствие в сознании двух смысловых структур – желаемого и позитивного права – обуславливает их постепенное слияние. Интуитивно «почувствовав», что всеобщности, правильности в позитивной норме больше, чем в предложенном им себе же «желаемом праве», судья безусловно скорректирует это.

Давно стал очевидным факт, что в условиях современного мира, информационной революции и компьютеризации, успехов математического моделирования сложных социоприродных процессов неправомерно использование устаревших методов и моделей. Это утверждение верно и для науки в целом, и для правовой науки в частности.

Прежние методологические подходы к моделированию сложных социальных процессов не учитывают или, по крайней мере, недооценивают факторы детерминации эволюционных процессов и конструктивность хаотического начала в эволюции [17, С. 8].

На этом фоне остро встала проблема междисциплинарного диалога. В разное время на роль дисциплины, призванной осуществлять коммуникацию между разными областями знания, претендовали разные науки – философия, математика, кибернетика, общая теория систем. Они выполняли свою функцию, но развитие науки продолжалось, актуальными становились новые подходы, основанные на достижениях перечисленных междисциплинарных наук.

Некоторые части Вселенной могут функционировать как «механизмы» - таковы замкнутые статичные системы. В правовой науке под ними зачастую понимают и государство, и право. Однако подобные системы составляют лишь малую долю Вселенной. Большинство же систем открыты – они обмениваются энергией, веществом и информацией с окружающей средой, в результате часто в них происходят интенсивные изменения. К числу открытых систем, без сомнения, принадлежат социальные системы, каковыми в действительности являются и государство, и право, а это означает, что любая попытка понять их в рамках механической модели, традиционно используемой правовой наукой (например, теория нормативизма), заведомо обречена на неудачу [18, С. 17].

Один из ключевых моментов синергетической теории И. Пригожина связан с возможностью спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации. Однако это правило действительно только для так называемых неравновесных систем, где на первый план выступают нелинейные отношения. Такие системы ведут себя необычно, они чрезвычайно чувствительны к внешним воздействиям [18, С. 18]. Весьма убедительной иллюстрацией неравновесных состояний социальных систем служит история нашего государства: события 1917 г. и последовавшие за ними процессы были ни чем иным, как бифуркацией в сильно неравновесной социальной системе, локальные флуктуации в которой привели к сломи старой системы и строительству новой.

В «классической» юридической науке государство и право также предстают идеальными упорядоченными моделями. Между тем пришло время поставить под сомнение и этот постулат. Практика показывает, что система норм и институтов изменяется практически каждый день; скорость этих изменений к настоящему времени такова, что традиционная

юридическая наука не успевает осмыслить их при помощи выработанных ею идеальных моделей, что вынуждает ее искать новые способы познания реальности [19, С. 34].

В англо-американской философии права существуют два подхода к изучению текста права: 1) логико-лингвистический подход, исключающий из предмета правового исследования явления, которые считаются внешними по отношению к языковой форме права; 2) текстуальное изучение, включающее право в более широкие гносеологические и философско-антропологические контексты. К первому относятся: а) лингвистическо-объективистские и б) логицистские методы толкования права. Второе учитывает содержательные (семантические) особенности текстов права при его толковании. К семантическим методам относят: а) исторические и б) принципные.

Современные континентальные (французские и германские) философские методы толкования права представлены в основном содержательными методами (М. Фуко с его «археологиями» власти и пенитенциарных систем, Ж. Деррида с его «деконструкциями» текстов, Г. Г. Гадамер с проблемами исторического времени «герменевтического универсума», П. Рикер с «философией действия»).

Интерпретатор должен ретроспективно воспроизвести реальный процесс создания текста путем реконструкции послания и объективации намерений автора текста.

Герменевтика призвана дополнить, а не заменить собой существующую методологию юридической науки. Она имеет «выходы» чуть ли не на все этапы и зоны правового регулирования, поскольку они по необходимости опосредуются сознанием, осмысляются. А это – веское основание для применения этой науки в общетеоретическом правоведении.

Положения герменевтики способны стать действенным механизмом исследования, например, перетолкования, искажения авторского смысла, вложенного в то или иное учение. Интерпретация научных текстов, «понимание понимания», – это то «поле», на котором герменевтика может наилучшим образом проявить свою продуктивность.

Таким образом, в юридической науке, наряду с классической методологией, все шире используется современная (неоклассическая) методология. При этом присвоение и использование знаний других наук происходит путем так называемой юридизации методов (познавательных средств и приемов) других наук и формирования новых юридических дисциплин на стыке юриспруденции и смежных наук [20, С. 109-110].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. К.К. Жоль. Методы научного познания и логика. М., Мысль, 2008. – с. 78.
2. Luijpen W. Phenomenology of Natural Law. Pittsburg, 1967. P. 161.
3. Fechner E. Rechtsphilosophie. Tübingen, 1956.
4. Maihofer W. Sein und Recht. Frankfurt am Main, 1954.
5. Михайлов А.А. Принципы феноменологической философии. Минск, 2001, С. 17.
6. Теорія держави і права. Академічний курс: Підручник / За ред. О.В. Зайчука, Н.М. Оніщенко, – К.: Юрінком Інтер, 2006. – С. 365.
7. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 7-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – С. 289.
8. Плавич В.П. Юридическая герменевтика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009, С. 1182-1183.
9. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. – М.: Конкорд, 1997. –С. 12.
10. Роджеро А.Д. Герменевтика и научная рациональность (понимание как методологическая проблема культурно-исторических исследований) // Труды семинара по герменевтике (Герменеус). – Вып. 1 – Одесса: Принт-Мастер, 1999. – С. 7-25.
11. Ницше Ф. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей: Пер. с нем. – М.: RELF-book, 1994. – С. 298.

© Поплавская Т. Н.

12. Panofsky E. *Studiel in iconocogy. Humanistic Themes in the art of the Renaissance.* –New York: Harper Torch books, 1962. – P. 5.
13. Панофский Э. Идея: к критике понятия в теориях искусства от античности до классицизма: пер. с нем. Ю.Н. Попова. – СПб: Аксиома, 1999. – XII. – С. 88.
14. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. – СПб: Азбука-классика, 2004. – С. 84-87.
15. Гайдамакин А.А. Полемические заметки о логике права и правосознании // Государство и право. – 2007. - № 7. – С. 95-97.
16. Романов Ю. Scientiapotenciale // Компьютеры. – 2000. – № 23. – С. 15.
17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Принципы коэволюции сложных систем и социальное управление // Синергетика и социальное управление. – М., 1998. – С. 8.
18. Тоффлер Э. Наука и изменение. – М., 1999. – С. 17.
19. Добрынин Н.М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // Государство и право. – 2007. - № 7. – С. 34.
20. Плавич В.П. Проблеми сучасного праворозуміння: Теоретико-методологічний та філософсько-правовий аналіз: [монографія] / Володимир Плавич. – Одеса: Астропринт, 2011. – 232 с.